

Оглавление

- Архипов С.Ю. Вариативность типа текста «письмо читателя» в современных немецких журналах
- Байрамова Л. О. Структурные особенности текста Договора об учреждении Европейского сообщества (на примере договора для немецкоговорящих стран)
- Беляев Д. В. Языковые особенности речевого жанра *Büttenrede*
- Бокова О. В. Этнонимы в немецкоязычных сообщениях о преступлениях в СМИ: *pro et contra*
- Гонина А.С. Функционирование параметра длительности в вариантах просодем с разной акцентной структурой (на материале швейцарского варианта немецкого языка)
- Евграфкина Е.Е. Концептуальные сети в поэтическом цикле «*Der ewige Tag*» Георга Гейма: опыт дискурс-анализа
- Ерёмина Д. А. Становление и лингвистические особенности информационно-развлекательного стиля немецких радиопрограмм
- Заболотская Е. Д. Структурные типы и функции заглавия немецкого кулинарного рецепта в диахроническом аспекте
- Кибалова Э. Г. Прагматический потенциал аббревиации при номинации товарных знаков (на материале немецкого языка)
- Крупененок В. Н. Негативно окрашенные признаки лиц, предметов и явлений как отражение особенностей австрийского менталитета
- Никитина М. А. Метафорическая модель как средство репрезентации экономических понятий в заголовках экономических статей
- Опарина К. С. Концепт «витализм» в художественной картине мира писателей раннего немецкого экспрессионизма
- Подкин А. А. О стратификации словарного состава в швейцарском варианте немецкого литературного языка (на примере наименований лиц)
- Теличко А. В. «Артефакт страха» в рассказе Г.Майринка «Растения доктора Чиндерелла»
- Чепурная А. И. Эпистемическая модальность в диффамационном публицистическом тексте (на материале текстов русской и немецкой публицистики)

Вариативность типа текста «письмо читателя» в современных немецких журналах

Архипов Сергей Юрьевич

Студент Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Классификация текстов на типы текста является весьма актуальной задачей современной лингвистики текста. Совокупность существующих дефиниций термина «тип текста» можно разделить на две группы: а) дефиниции, ориентированные на языковое оформление текста; б) коммуникативно-ориентированные дефиниции [Brinker: 143-145].

Кроме того, ряд лингвистов, стремясь создать более дифференцированную типологию текстов, используют термин «вариант типа текста», понимая под ним «подтип иерархически выше расположенного типа текста» [Schröder: 143]. Введение последнего термина в категориальный аппарат лингвистики текста чрезвычайно важно, т.к. некоторые типы текста не могут быть исчерпывающе описаны без предварительного деления их на подтипы. Примером тому является письма читателей.

Согласно дефиниции в словаре журналистских терминов, письмо читателя – это «письмо от читателя газете/журналу, в котором автор письма выражает свое отношение к какой-то публикации или событию» [Kühner: 154]. Однако анализ немецких журналов показывает, что иногда письмо читателя наоборот служит исходным импульсом, заставляющим печатное издание опубликовать новый текст (например, ответы на вопросы читателей). Данное замечание позволило выдвинуть гипотезу о том, что тип текста «письмо читателя» в немецких журналах не представляет собой гомогенное явление, а объединяет в себе несколько вариантов данного типа текста. С целью верификации данной гипотезы мы провели анализ писем читателей из немецких журналов.

В настоящее время в Германии выходят около 2000 различных журналов [Hasebrink: 90], поэтому нашему анализу подверглись лишь наиболее распространенные издания различных типов – от аналитических новостных до тематически ориентированных и развлекательных журналов (из проанализированных 53 изданий рубрику «письма читателей» мы обнаружили лишь в шести журналах). В общей сложности были изучены 230 текстов читательских писем. Цель анализа – классифицировать письма читателей в опоре на языковые и коммуникативные особенности анализируемых текстов. Полученные результаты позволяют выделить четыре варианта типа текста «письмо читателя».

1) Компрессированное письмо-реакция является наиболее распространенным вариантом в немецких журналах, т.к. печатается в изданиях с максимальным тиражом и, как правило, в больших количествах («SPIEGEL» - 18-30, «Focus» - 14-18 писем в одном номере). С точки зрения коммуникативистики, данные письма представляют собой реакцию читателей на ранее опубликованную статью и выражают мнение или оценку читателей относительно содержания статьи. От второго выделенного нами варианта данный тип отличает обилие средств языковой компрессии (см. таблицу ниже). Данные письма представляют, по-видимому, лишь выдержку или отредактированный и сжатый вариант поступивших в редакцию писем и отражают квинтэссенцию их содержания.

2) Полное письмо-реакция, в коммуникативном аспекте не отличается от первого типа, т.е. презентует реакцию читателя на ранее опубликованную статью. Отличие заключается в языковом оформлении данных писем. Тексты второго типа, ввиду их большего объема и меньшего количества средств языковой компрессии свидетельствуют об отсутствии и/или относительно меньшем вмешательстве редакции в текст исходного письма.

С целью верификации замеченного различия мы провели сравнительный анализ средств языковой компрессии в письмах первых двух типов. Всего было проанализировано 107 писем, из них 56 писем компрессированного типа (источник: «SPIEGEL» № 29/2009, «FOCUS» № 52, 53/2009) и 51 письмо полного типа (источник: «Welt des Kindes» № 1/2001 - 3/2003; 2/2005 - 4/2005; 1/2009 – 6/2009). Результаты данного анализа представлены в таблице 1.

	Среднее кол-во абзацев в одной статье	Среднее кол-во предложений в одной статье	Доля сложных предложений к от числа всех предложений	Отношение кол-ва бессоюзных связей в предложениях к числу всех предложений	Средне кол-во рядов однородных членов в одном предложении	Среднее кол-во сложных (имеющих более одного корня) лексем в одном предложении
Компрессированное письмо	,12	,5	56,6 %	0,179	0,44	1,327
Полное письмо		,8	48 %	0,137	0,2	0,803

Таблица 1. Средства языковой компрессии в читательских письмах первого и второго типа.

По результатам анализа, полные письма-реакции по объему практически в три раза превышают письма компрессированного типа, в то время как последние содержат сравнительно больше средств языковой компрессии, служащих конденсации информации.

3) Письмо-рецепт отличается от предыдущих типов авторской интенцией. Продуцент такого письма хочет поделиться своим опытом (будь-то кулинарный рецепт, план урока и т.п.) с другими читателями. Данные письма не являются реакцией на опубликованную статью, а сами (возможно, после некоторой редакторской правки) становятся самостоятельной журнальной статьей. Эти письма отличает большой объем (например, «SportPraxis» № 11+12/2009).

4) Письмо-вопрос представляет собой вопрос читателя редакции, на который журнал печатает ответ, т.е. в данном случае публикуемый журналом ответ, наоборот, является реакцией на письмо читателя. Данные письма отличает сравнительно небольшой объем, который скорее является не следствием осуществляемой редактором компрессии содержания письма, т.к. признаки языковой компрессии в них практически отсутствуют, а публикации лишь той части письма, которая содержит вопрос (напр., «ADACMotorwelt»).

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что тип текста «письмо читателя» существует в немецкой языковой культуре в нескольких вариантах, поэтому дальнейшие исследования данных текстов целесообразнее проводить с учетом вариативности организации типа текста «письмо читателя».

Литература

- Brinker, K. Linguistische Textanalyse. Berlin, 2005.
Hasebrink, U. Medien von A bis Z. Hamburg, 2005.
Kühner, A. Das Medien-Lexikon. Landsberg, 2001.
Schröder, H. Fachtextpragmatik. Tübingen, 1993.

Структурные особенности текста Договора об учреждении Европейского сообщества (на примере договора для немецкоговорящих стран)

Байрамова Лейли Оруджевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Лиссабонский договор, официальное название которого Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении

Европейского общества, был подписан на саммите ЕС 13 декабря 2007 г. в монастыре иеронимитов в Лиссабоне. Он призван заменить собой не вступившую в силу Конституцию ЕС и внести изменения в действующие соглашения о Европейском союзе в целях реформирования системы управления ЕС.

Лиссабонский договор представляет собой вариант реструктуризации Европейского союза в рамках общей программы развития Европейского сообщества.

Данный документ можно рассматривать не просто как правовое закрепление прав и обязанностей граждан Европейского Союза, а как обращение к ним.

Документ состоит из преамбулы, семи основных статей, протоколов по различным вопросам Евросоюза, например: «Protokoll über die Rolle der nationalen Parlamente in der Europäischen Union». В заключении даются и объясняются определения договора «Erklärungen zu Bestimmungen der Verträge».

Преамбула содержит приветствия всех глав государств-участниц Евросоюза, министров внутренних и иностранных дел. В качестве примера приведем несколько обращений: Präambel: seine Majestät der König der Belgier, der Präsident der Tschechischen Republik, ihre Majestät die Königin von Dänemark, der Präsident der Bundesrepublik Deutschland, seine Königliche Hoheit der Grossherzog von Luxemburg, der Bundespräsident der Republik Österreich.

Далее следуют обращения непосредственно к лидерам государств с упоминанием их должности и ученой степени, и, что характерно для немецкоговорящих стран, обязательное гендерное различие, например: Dr. Angela Merkel (Bundeskanzlerin) und Dr. Frank-Walter Steinmeier (Bundesminister des Auswärtigen und Stellvertreter der Bundeskanzlerin), (Deutschland); Dr. Alfred Gusenbauer (Bundeskanzler); Dr. Ursula Plassnik (Bundesministerin für europäische und internationale Angelegenheiten), (Österreich).

Приведенные примеры отчетливо демонстрируют эти признаки: федеральным канцлером Германии является женщина, Австрии – мужчина, в немецком языке они получают соответствующие суффиксы: die Bundeskanzler-**in** (для ж. р) и der Bundeskanzler-**er** (для м. р.).

Статьи в договоре четко подразделяются на пункты (a,b,c и т. д), перед каждым из которых дано небольшое пояснение, резюмирование, например: «Der folgende Artikel 9b wird eingefügt», «Artikel 21 wird wie folgt geändert», «Absatz 1 erhält folgende Fassung». Таким образом, текст не только комментирует себя, но и обеспечивает правильное прочтение и понимание правового документа.

Основные правовые положения Евросоюза в конце статей подкреплены подписями с комментариями глав государств: «Geschehen zu Lissabon am dreizehnten Dezember zweitausendsieben» и «Diese Unterschrift bindet zugleich die Deutschsprachige Gemeinschaft, die Flämische Gemeinschaft, die Französische Gemeinschaft, die Wallonische Region, die Flämische Region und die Region Brüssel-Hauptstadt».

Таким образом, политики подтверждают акт создания данного документа и свою ответственность перед народом своей страны и народом Евросоюза.

Каждый протокол снабжен названием и подзаголовком, ср.: «Protokoll über die Rolle der Nationalen Parlamente in der Europäischen Union» (название), «Zusammenarbeit zwischen den Parlamenten» (подзаголовок). Статьи в протоколах в отличие от семи общих статей не делятся на пункты и не имеют руководства к прочтению. В основном это статистические отчеты или отчеты о заседаниях «Protokoll über die Sitzung der Europäischen Investitionsbank». Цель данного раздела договора – письменное фиксирование работы органов Евросоюза.

В приложении даны сводные таблицы соответствий статей действующего Лиссабонского договора с другими европейскими договорами, например: «Bisherige Nummerierung des Vertrags zur Gründung der Europäischen Gemeinschaft», «Nummerierung im Vertrag von Lissabon», «Neue Nummerierung des Vertrags über die Arbeitsweise der

Europäischen Union». Данный пример наглядно демонстрирует переработку прежних договоров.

В заключении статьи, акты, протоколы и другие документы еще раз подкрепляются подписями глав государств – участниц Евросоюза.

Анализ построения текста договора позволяет сделать следующие выводы: договор состоит из пяти частей, логически следующих один из другого: преамбулы, основных статей договора, протоколов, приложений, и заключения (подписи глав-государств Евросоюза). Каждая из частей имеет свою собственную внутреннюю организацию текста, которая обусловлена определенной функцией: так, преамбула знакомит с главами государств, которые создают документ и одновременно являются представителями народа, для которого он создается. Статьи объясняют права и обязанности граждан Евросоюза с подробным комментарием. Протоколы показывают работу Евросоюза, сводные таблицы помогают сравнить основные документы Евросоюза; подписи глав государств в конце договора подтверждают ответственность за принятые решения. Такая композиция текста способствует его полному и целостному восприятию.

Литература

Klemens H. F. Der Vertrag von Lissabon. Text und Kommentar zum Europäischen Reformvertrag. Nomos-Verlag, 2008.

Языковые особенности речевого жанра Büttenrede

Беляев Денис Викторович

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Среди ярмарочно-рыночных речевых жанров, характерных для культурного пространства Германии, особое место занимает жанр Büttenrede (шутливая речь, произносимая на масленицу, в канун великого поста), не имеющий прямых аналогов в русской культуре.

Традиционный речевой жанр немецкоязычного карнавала не ограничивается его рамками. Можно утверждать, что любая рифмованная шутливая речь на злобу дня (зачастую с политическим подтекстом) – это жанр Büttenrede. Подобные речи, содержание которых шлифуется их создателем в течение всего календарного года, посвящаются самым разнообразным темам. Произнесение речи сопровождается музыкой: специально написанными маршами (Büttenmärsche). Самый известный из них – «Mainzer Narhalla-Marsch» – создан еще в первой половине XIX в.

Büttenrede может быть рифмованной или не рифмованной. Классическая рифмованная Büttenrede отличается правильным стихотворным размером (например, пятистопным ямбом), что облегчает реципиенту восприятие ее содержания. И это немаловажно. При произнесении Büttenrede связь «Я – Другой», то есть «единство монолога и особое единство диалога» [Бахтин: 374], на который и рассчитана подобная речь, не должна прерываться. Сама речь делится, как правило, на множество строф, которые завершаются повторяющимися стихами. Предпочтение отдается парной рифме.

В Büttenrede широко используются всевозможные стилистические фигуры: анафора, эпифора, умолчание, ирония, гипербола, литота, повтор, сравнение, метафора и пр.

Иными словами, Büttenrede – это целое искусство, которому зачастую обучают на специальных поэтических курсах, а публичное чтение таких речей превращается в профессию (Büttenredner).

Как правило, Büttenrede составляется и произносится на местном диалекте:

Alaaf und Helau! – Seid ihr bereit?

Willkommen zur Beklopptenzeit!

Mer kenne des aus Akte X,

doch Mulder rufe hilft da nix,

*des kommt durch Strahle aus dem All,
Und plötzlich ist dann Karneval!
(Tusch)
(...) Echt jut d'tolle Red, weil's mi do immo ähnlich jeht.
Tattaa-tattaa-tataaaa!*

Юмор и шутка присутствуют в любой Büttenrede. На этом строится ее политическая и социально-критическая направленность.

После 1945 года стали появляться Büttenreden, тематически построенные на игре слов, «безадресной» шутке, бессмыслице, карнавальной разнузданности. Речь идет о так называемом «Kokolores»-Vortrag:

*Ich bin an Kerl, än Kerl wie än Bär,
5 Zentner, sin mir net zu schwer.
Ihr seht's an moienere Figur,
ich bin stark wie'n Ochs un genau so stur!
Ich trag Koffer, am liebschte die Kleine,
für die Hewwel, für die Feine,
für die Männer, für die Fraue,
für die Doofe für die Schlaue.
Für die Pfarrer in die Kutte,
für die Stadträt' und die «...»*

С жанром Büttenrede связана и гендерная проблематика. Традиционно их произносят мужчины, но есть Büttenreden, специально написанные для женщин. Такие речи могут быть произнесены и переодетыми мужчинами. Новые тенденции меняют традиции Büttenrede. Речь может произноситься парами в форме своеобразного «диалога», превращаясь в маленькое театральное представление. В зависимости от темы диалога оформляется сцена, заменяющая традиционный подиум – половину винной бочки.

Жанр Büttenrede – комплексный речевой жанр, в состав которого входит ряд элементарных речевых жанров: предложение, совет, упрек, вопрос, нотация и т. д.

Büttenrede, представляя собой, согласно теории речевых жанров М.М. Бахтина, первичный речевой жанр, является сам по себе в немецкоязычном культурном пространстве жанрообразующим и жанропреобразующим. Очевидно его влияние на политическую речь, ведь, начиная с истоков, Büttenrede строилась на скрытой критике политики правителя, а позднее и государства в целом. Профессионалы, составляющие Büttenrede, пишут речи, приветственные обращения, поздравления (зачастую рифмованные) по самым разнообразным поводам, тем самым вживляя в разные речевые жанры элементы жанра Büttenrede:

*Du sitzt grübelnd noch daheim,
denn Deiner Rede fehlt der Reim.
Ganz egal zu welchem Zweck:
Taufe, Hochzeit und Comeback
Deines Karnevalsvereins,
Geburtstagslied für Onkel Heinz,
du brauchst gar nicht zu verzagen,
einfach nur Paulina fragen.*

Литература

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика и теория искусства XX века. Хрестоматия. М., 2007. С. 371-381.

Этнонимы в немецкоязычных сообщениях о преступлениях в СМИ: pro et contra

Бокова Ольга Валерьевна

Аспирантка Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Сообщения о преступлениях являются неотъемлемой частью многих средств массовой информации. Как известно, СМИ, информируя человека о состоянии мира, оказывают влияние на весь строй его мышления и на стиль мировосприятия [Володина: 23]. В частности, сообщения о преступлениях в СМИ формируют представления человека о криминальной ситуации и во многом определяют его отношение к преступности.

Вопрос о том, называть или не называть национальность преступников в криминальных сводках, является очень важным [Meier]. С одной стороны, читатели имеют право на получение полной информации, но, с другой стороны, акцентирование автором криминальных сводок национальности преступника, а также выводы автора, связанные с этим, зачастую могут сформировать у читателей превратную картину, закрепить у них негативные этнические стереотипы и обострить чувство ксенофобии. Поэтому представляется интересным проследить, насколько объективно отражается соответствующая информация в СМИ, в каких случаях и каким образом в сообщениях о преступлениях упоминается национальность преступников. Материалом для исследования послужили сообщения о преступлениях, опубликованные на специализированных новостных сайтах Австрии, Германии и Швейцарии. Общее количество проанализированных статей – 220.

Проведённый анализ показал, что в большинстве сообщений о преступлениях речь идёт о неизвестных преступниках, при этом используются в основном нейтральные обозначения типа *Täter/Täterin*, *Unbekannte*, *Mann/Frau/Jugendliche/Person*, *Dieb/Diebin*, *Trickdieb*, *Trickbetrüger* и др., часто сопровождаемые прилагательными или причастиями: *Unbekannte Diebe haben in der Nacht auf Mittwoch (18.2.2009) in Volketswil mehrere Personenwagen aufgebrochen und Navigationsgeräte im Wert von etwa 18'000 Franken gestohlen; Bislang unbekannte Einbrecher machten sich die Dämmerung zu Nutze und suchten sich am Dienstag, 04.11.2008, in der Zeit von 18.15 bis gegen 21.45 Uhr, ein freistehendes Einfamilienhaus und einen Bungalow im Stadtteil Berg am Laim aus; Am Montag (17.08.) gegen 22.40 Uhr betraten zwei maskierte Männer einen Kiosk auf der Kampstraße.*

Указания на национальную принадлежность преступников присутствуют примерно в 17% проанализированных статей, причём непосредственно этнонимы (существительные или прилагательные) встречаются достаточно редко. Например: *Zwei serbische Staatsangehörige im Alter von 15 und 19 Jahren sowie ein 14-jähriger Schweizer wurden in Polizeigewahrsam genommen; Die beiden Insassen des PKWs, die beiden rumänischen Staatsangehörigen Marcel A., 46 Jahre und George A., 18 Jahre, wurden festgenommen.* Характерно, что авторы сообщений о преступлениях стараются избегать категорических утверждений по поводу национальности преступников, для чего используются различные средства модальности:

Signalement der beiden Täter:

1. männliche Person, **vermutlich Schweizer**, 16 – 20 Jahre alt, zirka 160 cm gross, blonde Pilzfrisur, auf halber Länge gegen aussen gewellt, vorne gegen aussen geglättet, trug weisses T-Shirt, rote, knielange Trainerhose und Turnschuhe;

2. männliche Person, **vermutlich Schweizer**, 16 – 20 Jahre alt, 165 – 170 cm gross, blonde kurzgeschnittene Haare, trug schwarze, lange Trainerhosen, gelbes T-Shirt mit blauen Streifen und eine schwarze Baskenmütze;

Der Täter wird wie folgt beschrieben: 20 – 22 Jahre alt, schlanke Statur, kurzgeschnittene, schwarze Haare, trug blaue Jeanshosen mit einem braunen Ledergürtel und einer grossen Schnalle sowie eine schwarze Lederjacke mit hellem Innenfutter. Er dürfte aus einem Land des ehemaligen Jugoslawien oder aus Albanien stammen. Der Mann war mit einem Dolch mit einer zirka 30 cm langen Klinge und braunem Griff bewaffnet.

Информация о том, как говорил преступник, тоже может прямо или косвенно указывать на его национальную принадлежность: *Gemäß Angaben des Geschädigten sprach einer hiesigen Dialekt und der zweite Täter Schweizerdeutsch mit Akzent.* В данном случае очевидно, что первый преступник – швейцарец, а второй – иностранец.

На основе проанализированного материала можно условно назвать две предпосылки для упоминания национальности преступников. Во-первых, соответствующая информация в ряде случаев является необходимой при описании преступника, поскольку может способствовать его розыску. Во-вторых, национальность преступника упоминается при описании преступлений, мотив которых невозможно понять без учёта тех или иных культурных особенностей:

*Ali Ö. ist in Aschaffenburg geboren, fühlt sich als Deutscher. Doch als seine beiden Schwestern aus der elterlichen Wohnung ausziehen wollten, griff der 19-Jährige zum Messer. Vor Gericht bemühte er sich nun um Erklärungen für den versuchten Mord an seinen Geschwistern. ... Die Staatsanwaltschaft wirft dem in Aschaffenburg geborenen **Türken** Mordversuch und gefährliche Körperverletzung vor.*

В некоторых криминальных сводках национальность преступников упоминается без особой необходимости. В отдельных случаях, особенно, когда речь идёт о преступниках национальностей, отличных от основной национальности страны проживания, это может привести к развитию ксенофобских настроений у читателей. Тем не менее, следует отметить, что, судя по проанализированному материалу, авторы сообщений о преступлениях стараются быть объективными и не придавать эмоциональную окраску соответствующей информации. Об объективности свидетельствует и тот факт, что в новостях освещаются происшествия не только с участием «чужих», но и «своих».

Литература

Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М., 2003. С. 9–31.
Meier D. Nationalitätennennung in der Kriminalberichterstattung: [http://www.medienheft.ch/-index.php?id=14&no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=312&tx_ttnews\[backPid\]=7](http://www.medienheft.ch/-index.php?id=14&no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=312&tx_ttnews[backPid]=7)

Функционирование параметра длительности в вариантах просодем с разной акцентной структурой (на материале швейцарского варианта немецкого языка)

Гонина Анастасия Сергеевна

Аспирантка Сибирского государственного технологического университета, Красноярск, Россия

Особенности реализации просодических характеристик минимальных просодем швейцарского варианта немецкого языка еще не были предметом экспериментально-фонетического исследования, поэтому их исследование представляет интерес для лингвистов. Понятие просодемного пространства, введенное ранее в гуманитарной науке, является продуктивным, т. к. указывает на иерархическое строение, структурное единство и целостность. Просодемное пространство – это уровень языковых единиц, реализуемых в речи в качестве вариантов просодем (слов-фраз, ритмических групп). Целью статьи является определение роли длительности в вариантах просодем швейцарского варианта немецкого языка, реализуемых в речи в качестве разных коммуникативных типов предложений.

Для осуществления этой цели был проведен эксперимент, языковая программа которого включает разные коммуникативные типы предложений, содержащих двухсложные слова с разноместным ударением. Языковая программа, начитанная носителями языка, анализировалась с помощью компьютерной программы Speech Analyzer. Функционирование акустического параметра длительности наглядно представлено на рисунках (1, 2).

Длительность – это протяженность во времени языковых единиц при их употреблении в речи, поэтому она непосредственно связана с детерминантными и гетерогенными процессами субстанциональной сферы языка. Длительность

рассматривается многими учеными-лингвистами как один из важнейших параметров характеристики речи.

По мнению Л.Р. Зиндера, под длительностью как компонентом интонации подразумевается скорость произнесения тех или иных отрезков речи, что и является содержанием термина «темп» [Зиндер: 240].

Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая и М.В. Гордина понимают под длительностью темп, или временную организацию фразы. Длительность звуков определяется, с одной стороны, их собственными характеристиками, с другой стороны - темп характеризуется изменениями скорости произнесения, которые используются для интонационного оформления фразы. Темп речи как просодическое средство можно охарактеризовать через следующие показатели: общий темп синтагмы (фразы), изменение темпа на протяжении синтагмы и место наиболее выделенных при помощи длительности элементов синтагмы. Под синтагмой представителями Санкт-Петербургской фонетической школы понимается фраза, в том числе и однословная.

Описывая общие характеристики временной организации синтагмы, авторы обращают внимание на то, что конкретная реализация этих тенденций определяется звуковой системой конкретного языка: если в каком-то языке фонологически противопоставлены долгие и краткие гласные, то главноударный слог не обязательно будет обладать максимальной длительностью, например, если в этом слоге будет находиться краткий гласный [Бондарко, Вербицкая, Гордина: 131].

Как было выявлено в проведенных ранее на материалах немецкого и русского языков экспериментах, распределение длительности не зависит от коммуникативного типа предложения [Дудина, Коваленко: 120]. Однако, как показал данный эксперимент, в швейцарском варианте немецкого языка длительность распределяется неодинаково в повествовательных и вопросительных типах предложений, поэтому был сделан вывод о том, что распределение длительности в швейцарском варианте немецкого языка зависит от коммуникативного типа предложения.

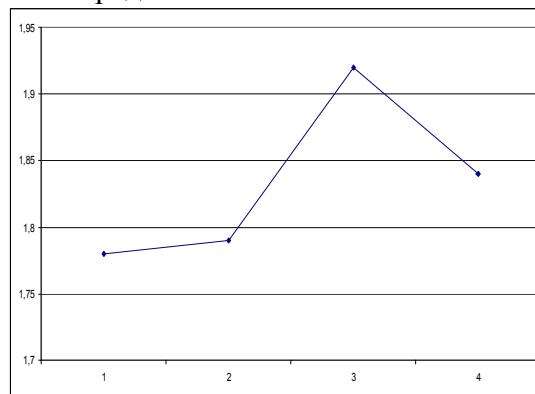

Рис. 1

' _ . ' _ . ' _ . ? ' _ ?

По оси абсцисс – типы акцентных структур.

По оси ординат – длительность, м/сек.

Как видно из примера, расширение происходит в повествовательных предложениях с увеличением количества предударных слогов, а сжатие – в вопросительных предложениях также с увеличением количества предударных слогов (рис. 1).

Слова для языковой программы подобраны таким образом, что отсутствует редукция гласного конечного слога. Если провести параллель данного синхронного среза языка с развитием языка вместе с развитием общества, то можно констатировать, что на данном языковом материале швейцарский вариант немецкого языка не проявляет реализации закономерностей, свойственных вариантам просодем с редукцией конечных гласных. Следовательно, свойство сжатие-растяжение еще не проявляет свою способность к единообразию в реализации длительности в повествовании и в вопросе, как это ранее было выявлено на материале немецкого языка.

Пример с редуцией конечного гласного свидетельствует о независимости реализации параметра длительности от коммуникативных типов предложений (рис. 2).

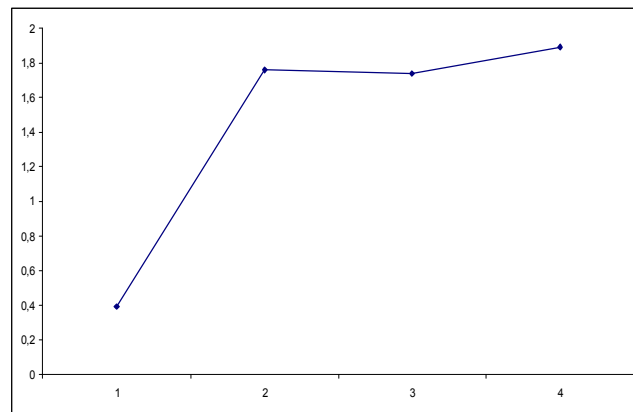

Рис. 2

' _ _ . ' _ _ . ' _ _ ? ' _ _ ?

По оси абсцисс – типы акцентных структур.

По оси ординат – длительность, м/сек.

Таким образом, в швейцарском варианте немецкого языка отмечается единообразие функционирования параметра длительности. Если отсутствует редуция гласных конечного слога, то базисная оппозиция (повествование-вопрос) по параметру длительности еще не сформировалась.

Литература

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. СПб.; М., 2004.

Дудина С.П., Коваленко Н.А. Параметр «сжатие-растяжение» в разных коммуникативных типах предложений в немецком и русском языках // Язык. Коммуникация. Культура: Тенденции XXI в. Красноярск, 2007. С. 119–122.

Концептуальные сети в поэтическом цикле «Der ewige Tag» Георга Гейма: опыт дискурс-анализа

Евграфкина Екатерина Евгеньевна

Аспирантка Самарского государственного университета, Самара, Россия

«Опрокидываясь» в сознание наблюдателя-интерпретатора, предмет искусства активирует его когнитивную деятельность по дешифровке смыслов, заложенных в нем, и далее процесс продуцирования собственных, индивидуальных смыслов. Дискурс-анализ помогает выявить процесс смыслопорождения и особенности смыслового *развертывания* поэтического текста.

Анализ цикла стихотворений Г. Гейма «Der ewige Tag» (1911) мы начинали с обращения к одноименным стихотворениям. Номер каждого из них как бы организует необходимый порядок их прочтения («Berlin I», «Berlin II», «Berlin III»).

Значимыми для данных стихотворений являются концепты «дым», «сажа», «вонь», эксплицируемые в поэтическом тексте с помощью лексических средств Rauch, Ruß, Gestank. В «Berlin III» совокупность данных концептов выделяется инференционно – посредством лексемы множественного числа Schornsteine.

Следующим концептом, важным для раскрытия образа города, будет «движение»: в текстах последовательно возникают лексемы Kähne, Dampfer, Omnibusse, Automobile, Güterzug. Практически все данные лексемы имеют форму множественного числа: множество *одинаковых* объектов (в том числе людей, ср. в «Berlin II»: Menschenströme) является категорией существования мира, представляя собой прогрессирующий (одушевленное приобретает статус неодушевленного) процесс обезличивания, опредмечивания всего и вся.

Ряд концептов, реализующихся последовательно в каждом из трех стихотворений, служат своеобразным *когнитивным мостом* между ними, отсылая то к одному из текстов, то к другому. В то же время посредством данных концептов и их доминирующего положения в названном ряде поэтических текстов создается единый образ города.

Наметим особенности названных текстов на интенциональном уровне. Основной дейктической категорией данных текстов будет категория лица. Так, в стихотворениях «Berlin I» и «Berlin II» коллективный субъект, выраженный личным местоимением *wir*, занимает позицию наблюдателя, он дистанцирован от объекта наблюдения: «*Wir sahen... Menschenströme und Gedränge*». Однако в «Berlin III» субъект, выраженный местоимением 1 лица множественного числа, исчезает, уступая место местоимению 3 лица множественного числа. Интересно, что появляющиеся *sie*, пришедшие на смену *wir*, вписаны в тот же ситуативный контекст:

*Die Toten schau'n den roten Untergang...
Sie sitzen strickend an der Wand entlang,
Mützen aus Ruß dem nackten Schläfenbein,
Zur Marseillaise, dem alten Sturmgesang.*

Субъект, который мы не могли видеть со стороны, потому что он задавал определенный угол зрения на ситуацию (тому способствовало местоимение *wir*), теперь обретает статус объекта. И по возникающему тождеству мы обнаруживаем, что наблюдали и рефлексировали в первых двух стихотворениях вслед за *мертвецами*.

Вместе с появлением концепта «смерть» мы выходим в новое измерение поэтического мира Г. Гейма. Очевидно, что в следующей паре одноименных стихотворений («Die Gefangenen I», «Die Gefangenen II») концепт «смерть» будет связан с концептом «тесное пространство».

В первом тексте ситуация выстроена вокруг возвращающихся *домой* (в тюрьму) арестантов. Метафора, которая органично появляется в данном контексте (тюрьма – тесное, замкнутое пространство), приводит к отождествлению концептов «дом» и «могила»:

*...Zieht sich der Sträflingstrupp, der heim marschiert
Durch kahle Felder in das große Grab....*

Значение множественности (*der Sträflingstrupp*) позволяет нам провести новую параллель: не просто могила, а *братская могила* – явная связь с концептом «война», который отсылает нас еще к одному тексту цикла «Nach der Schlacht».

В «Die Gefangenen II» концепт «тесное пространство» выражен соответствующими лексическими средствами:

*Sie trampeln um den Hof im engen Kreis.
Ihr Blick... sucht nach einem Feld, nach einem Baum...*

В данных текстах встречается один и тот же набор концептов («дерево», «поле»). Если в «Die Gefangenen II» арестанты заключены в тесное пространство и жаждут увидеть поле (свобода?) и дерево, то в «Die Gefangenen I» они *идут* через поле и *видят* дерево, т. е. фактически реализуется их желание. Но каково то, что они видят?

*Und ein Paar Bäume stehn den Weg entlang
Im halben Licht verkrüppelt und beleibt...*

Концепт «дерево» дан в его связи с концептом «уродство». Эта же концептуальная связь в полной мере реализуется в стихотворении «Der Baum».

*Steht ein Eichbaum, alt und zerrissen.
Vom Blitze hohl, und vom Sturm zerbissen...*

Следующая важная связь этого концепта с концептом «насильственная смерть», ибо метафорическая связь, уподобляющая сук дерева виселичной перекладине, далее эксплицируется и сменяется детальной картиной повешения:

*Wie, den Strick um den Hals, er [ein Mann] die Beine verrenkt,
Und die Zunge blau hing aus dem Maule breit?*

Смерть через повешение, а также гильотинирование, появляется в текстах «Louis Capet», «Robespierre» («Berlin III»: Marseillaise!). К этому добавляется образ безглавого младенца в его тесной взаимосвязи с концептом «уродство» («Die Dämonen der Städte»).

Концепты «уродство» и «смерть» тесно взаимодействуют и формируют картину мира в поэзии Г. Гейма. Целый ряд стихотворений построен на живописании физической смерти, разложения («Ophelia», «Die Tote im Wasser», «Der Schläfer im Walde»). Эти тексты также связывают постоянно повторяющиеся детали, фокусирующие наше внимание: перечисляются пораженные разложением части тела, животные-падальщики и т. д.

Большое количество концептов, реализуемых в разных отдельно взятых текстах, формируют глубокие концептуальные связи между ними. Мы можем говорить здесь о *концептуальных сетях*, которые образуют мосты между автономными текстами и формируют единое дискурсивное пространство поэтического сборника. В диалоге текстов, своеобразной литературной игре, целое обнаруживается через восстановление внутренних текстуальных связей, через концептуальные ссылки, ориентирующие нас на восприятие целой поэтической картины.

Становление и лингвистические особенности информационно-развлекательного стиля немецких радиопрограмм

Ерёмина Дарья Аркадьевна

Студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва,
Россия

Важным этапом в становлении информационно-развлекательного стиля является оформление дуального радиовещания в Германии. Появление в ФРГ частных теле- и радиовещательных компаний, наряду с уже существовавшими к тому моменту общественно-правовыми, официально было узаконено в 1984 году. Это событие положило начало дуальной системе телерадиовещания.

Тогда же Конституционный суд установил основные принципы вещания для компаний того и другого типа. Так, было определено, что задачей общественно-правовых теле- и радиостанций является обеспечение населения программами, включающими широкий тематический диапазон, а также отражение имеющегося в обществе многообразия мнений. Компании данного типа должны служить следующим целям: информирования, образования, культурного просвещения и развлечения. Финансирование происходит за счет абонентской платы, а также в ограниченном размере за счет рекламных взносов.

Частные теле- и радиостанции не обязаны выполнять все требования, предъявляемые к общественно-правовым компаниям. Достаточным считается, если в программах обеспечивается плюрализм мнений и ни одному из них не отдается предпочтений. Финансирование осуществляется исключительно за счет доходов от рекламы.

Спустя десять лет после законодательного оформления дуальной системы в сфере коммуникаций произошли существенные изменения, среди которых можно выделить три основные: коммуникативный «взрыв»; увеличение предложения (то есть разнообразия программ); переориентация на доходы от рекламы. Все эти процессы повлияли на становление информационно-развлекательного стиля, и в первую очередь, именно ориентация на рекламодателя.

Резкое увеличение спроса на продукцию СМИ при прежних возможностях потребления и переработки информации у реципиентов привело к ужесточению критериев отбора. Вследствие этого увеличивается конкуренция между различными средствами массовой информации, вынуждая делать программы более привлекательными для читателя, слушателя или зрителя. По этому принципу изначально строилось вещание на частных теле- и радиостанциях, так как количество рекламодателей и спонсоров,

которые готовы выделять деньги, зависит от рейтингов данной радиостанции, отражающих популярность среди населения. Общественно-правовые станции, в свою очередь, были нацелены первоначально на узкий круг слушателей-зрителей, так как служили целям информирования, просвещения и образования и в последнюю очередь развлечения.

В результате произошедших изменений в сфере дуального вещания общественно-правовые станции оказались под давлением. Если они сохраняют первоначальную элитарность, то в условиях недостаточного спроса на их программы ставится и вопрос о финансовых затруднениях, и вопрос о целесообразности их существования при столь незначительном интересе к ним со стороны потребителей.

Эти тенденции привели в настоящее время к сближению форматов программ и стилей на общественно-правовых и частных теле- и радиостанциях. Таким образом, было положено начало информационно-развлекательному стилю, позволивший в определенной мере совместить просветительские задачи, которые ставились перед общественно-правовыми СМИ, и развлекательные, которые являются прерогативой частных медиа.

Информационно-развлекательный стиль отталкивается, в первую очередь, от информационного стиля, поэтому стоит отметить ряд отличий именно от этого типа медийных текстов:

1. Частое использование эмоционально окрашенных восклицательных и вопросительных конструкций, оформление передачи в качестве диалога и постоянного обмена репликами.

- - Da steht zum Beispiel im Protokoll des Wirtschaftsministeriums: „Vorbestimmungen sind Erklärungen zu den Erklärungen, mit denen man eine Erklärung erklärt“.

- Nein! Das steht dann nicht so drin! („Timm Busches unglaubliche Fakten“, Radio ffn)

2. Употребление эллиптических конструкций.

- „Für 25 Euro nach Mallorca, für 20 Euro nach London. Die Deutschen sind in diesem Jahrzehnt zu Billigreisern geworden“. („Die 2000er – der Millenniums-Rückblick“, NDR2)

3. Использование коротких предложений или предложений, которые можно легко разбить на смысловые части, что позволяет с помощью интонации делать акценты.

- „Diese Farbstrahlen, also blau, gelb, grün und rot, treffen dabei dann auf Gasatome in der Atmosphäre und dadurch wird das Licht abgelenkt und das passiert eben am stärksten für blaues Licht, deswegen erscheint der Himmel blau“. („Timm Busches unglaubliche Fakten“, Radio ffn)

4. Включение в речь метафорических выражений, аллитераций, противопоставлений, а также измененных названий известных книг и фильмов.

- „Die Politiker müssen das Aroma des Arbeitslebens mal selber riechen...“ („Stimmt’s“, NDR2)

Также нельзя не отметить отступлений от стандартов литературного немецкого языка:

1. Использование разговорных конструкций или нейтральных слов в иносказаниях, возможных только в разговорной речи.

- „Wenn Schäuble einbeißt...“ – в отношении актуального для Германии вопроса о дисках с данными налоговых должников. („Frühstück bei Stefani“, Dario ffn)

2. Употребление диалектальных лексем, грамматических форм, а также соответствие фонетическим особенностям того или иного диалекта. Часто это становится основополагающим элементом программ северогерманских радиостанций, в том числе общественно-правовых. Ярким примером может служить программа „Frühstück bei Stefani“ на радиостанции NDR2, в которой в развлекательной форме обсуждаются актуальные темы. С помощью диалектальных вкраплений, а также соответствующего произношения достигается близость северогерманскому слушателю.

3. Использование субстантивации как основного способа словообразования.

- „Stichwort – Sparen“. („Die 2000er – der Millenniums-Rückblick“, NDR2)

В данном случае редакторы, пишущие программы в информационно-развлекательном стиле, ориентируются именно на реципиента – на слушателя, стараясь составить фразы

так, чтобы они были понятны, в первую очередь, на слух и привлекали внимание, вызывая желание слушать дальше.

Литература

- Biere B. U., Henne H.* (Hgg.) *Sprache in den Medien nach 1945*. Tübingen, 1993.
Merten K., Gansen P., Götz M. *Veränderungen im dualen Hörfunksystem: Vergleichende Inhaltsanalyse öffentlich-rechtlicher und privater Hörfunkprogramme in Norddeutschland*. Münster, Hamburg, 1995.
Rickheit G., Herrmann T., Deutsch W. (Hgg.) *Psycholinguistik: Ein internationales Handbuch*. Berlin, 2003.

Структурные типы и функции заглавия немецкого кулинарного рецепта в диахроническом аспекте

Заболотская Екатерина Дмитриевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Согласно энциклопедическому словарю-справочнику «Культура русской речи» «заглавие или заголовок – это целостная единица речи (текстовый знак), которая является обязательной частью текста и имеет в нем фиксированное положение – перед и над текстом» [Культура русской речи: 188]. Заголовок выполняет несколько функций, носящих иерархический характер: в зависимости от стилистической и жанровой принадлежности текста на первое место будут выходить те или иные функции. Заголовок в кулинарной книге, представляющий собой наименование блюда, прежде всего выполняет информативную и рекламную функции.

Он призван заинтересовать, привлечь внимание реципиента, особенно если тот не знаком с данной комбинацией ингредиентов или представленным в кулинарной книге блюдом. Заголовки в рамках характерной для настоящего времени стандартизированной формы исследуемого типа текста нередко предоставляют реципиенту рассчитанный на быстрое и незатрудненное прочтение срез информации о блюдах или напитках, приготовлению которых посвящены рецепты. В отношении синтаксических особенностей современные заголовки характеризуются отсутствием предиката, что позволяет говорить об их принадлежности к категории безглагольных назывных предложений [Admoni: 106].

Функция заголовка как организующего структурного элемента текста проявлялась уже в ранних источниках, например, в страсбургском издании «*Küchenmeisterei*» 1530 года, в котором заголовок был оптически отделен от основного текста. До появления отдельно стоящего заголовка функцию предварительной характеристики темы текста выполняли вступительные предложения, которым предшествовало слово *Item*, являвшееся сигналом отграничения нового текста от представленных до него рецептов.

Весьма компактная структура вступительных предложений позволяла использовать их в качестве заголовков в почти неизменном виде в более поздних изданиях. Ср.: 1) *Item ein hoflich essen von arbeisen*; 2) *Ein höflich essen von Erbßen*.

Очевидно, что в данный временной период информативная функция не играет доминирующей роли. Начало текста отмечено особой синтаксической структурой вступительного предложения, лексическими средствами, такими, как, например, *Item*, или особым графическим выделением. Тот факт, что начальные сведения об описываемом блюде играли тогда менее важную роль, чем сегодня, можно продемонстрировать на примере заголовков текстов рецептов из кулинарной книги Бальтассара Штайндля «*Ein künstlich vnd nutzlich Kochbüch*» 1544 года: *Ein Anders, Auff ain andere arth vnd form*. Заголовки старинных рецептов отличаются от современных образцов не только своей лексической составляющей. Это прослеживается в следующих примерах: *Torten von grünem kraut*; *Von schwartzen Karpffen*; *Haydnische Küchen zümachen*; *Wilt du machen ain Rächbraten inn der Fasten*; *Wie man Vmberdum soll machen*; *Item ain gespickten bratten von Vischen mach also*.

Из всех перечисленных выше шести структурных типов (*именная группа, предложно-падежная группа, инфинитив, wiltu (wilt du) + инфинитив, wie man [...]* и *именная группа + mach also* соответственно) в современном кулинарном рецепте можно встретить лишь первый – именную группу. Заголовки в виде предложений, включавшие в себя глагол в спрягаемой форме, с XVII в. стали использоваться лишь в исключительных случаях.

Интересно также появление в книге «Kellermaisterey» дальнейших, отличных от представленных выше конструкций, соответствующих основной тематике данного типа текста. Таковым является пример внесения некоторых необходимых исправлений, замечание, призванное помочь устранить ошибку: *Wenn ein pier nach dem vaß stinckt*.

С точки зрения структуры предпосланные современным рецептам немецких блюд заголовки не отличаются многообразием. Случаи использования морфологического типа *simplicia* довольно редки (*Sülze, Spätzle*). В гастрономической номенклатуре преобладает тип *composita*. В качестве определительного компонента у сложных существительных могут использоваться основы разных частей речи. Чаще всего это основа существительного (*Reisbrei, Zwiebelkuchen*), встречается также сочетание «существительное + основа глагола» (*Bratkartoffeln, Pellkartoffeln*) и «существительное + основа прилагательного» (*Sauerbraten, Weißwürste*). Нетрудно заметить, что с помощью определительного компонента актуализируется не только основной ингредиент блюда, но и способ приготовления, а в некоторых случаях качественные характеристики. Структурный тип «*стержневое существительное + прилагательное*» [Филичева: 172] также широко используется в качестве заголовка рецепта. Употребленные в качестве определения прилагательные акцентируют внимание на наиболее значимых деталях и свойствах блюда (*grüne Klöße, rote Grütze*). Среди структурных типов, встречающихся в заголовках немецких рецептов, есть и «стержневое существительное + существительное с предлогом в свободном и связанном употреблении» [Филичева: 171-172] (*Birnensuppe mit Klößen, Kalbshaxe vom Rohr, Hirschsteaks in Wacholdersahne, Jan im Sack*).

Особенно частотны словосочетания с прилагательными, образованными от названий географических объектов, что вполне понятно, поскольку каждая федеральная земля и многие города Германии имеют собственное фирменное блюдо (*Aachener Printen, Dresdner Christstollen*).

Таким образом, с течением времени характерной чертой происходивших в заголовках рецептов структурных изменений стало стремление к сокращению форм и принятию единого образца, действительного для всех текстов данного типа.

Литература

Петрач Т.Р. Заглавие // Культура русской речи. М., 2003.

Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969.

Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.

Staindl B. Ein künstlich vnd nutzlich Kochbüch [...]. Augsburg, 1544.

Прагматический потенциал аббревиации при номинации товарных знаков (на материале немецкого языка)

Кибалова Элина Геннадьевна

Студентка Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

В настоящее время в связи с интенсивным ростом покупательской активности и распространении торговых марок возрос интерес к рекламе с научной точки зрения.

«Реклама (франц. *géclame*, от лат. *geclamo* – выкрикиваю) – информация о потребительских свойствах товаров и различных видах услуг...» [Каневский]. Цель рекламы заключается в реализации потребителем сбыта товара и создания спроса на него с помощью распространения о нем информации, оказывающей усиленное воздействие на массовое и индивидуальное сознание, направленной на изменение убеждений и установок реципиентов, вызывающей заданную реакцию выбранной потребительской аудитории.

Реакция потребительской аудитории в свою очередь зависит от качества текста рекламы (его информативности, экспрессивности, эффективности воздействия), слогана и логотипа. Одним из наиболее важных компонентов, при создании которого воздействующая сила на сознание и поведение покупателя особенно высока, является наименование товара.

Существуют различные принципы и способы номинации товарных знаков. Среди принципов номинации мы выделяем принципы подобия на фонетическом уровне и по форме; принципы символизации, мотивированности, антропонимики [Кибалова: 45–48]. К способам номинации относятся лексико-семантический, морфологический, лексико-синтаксический.

Аббревиация рассматривается нами как один из способов номинации товарных знаков. Особенность аббревиации заключается в том, что данный способ интегрирует в себе фонетический, лексический, морфологический и синтаксический компоненты. Данная особенность аббревиации обуславливает большой прагматический потенциал этого способа наименования немецких товарных знаков, где под прагматическим потенциалом мы понимаем «совокупность скрытых возможностей каких-либо явлений (языковых единиц, речевых и стилистических средств и т.д.) оказывать определённое воздействие на сознание адресата» [Фирсова].

Частое обращение рекламодателей к аббревиации не случайно. Аббревиатура как один из способов номинации товара обладает следующие прагматическими свойствами:

- конструктивность: аббревиация облегчает процесс порождения высказывания, и может передавать содержание целой синтаксической единицы;
- краткость или компрессивность: аббревиатура является самым продуктивным способом сжатия многословных названий. Аббревиация выступает в качестве эффективного средства языковой экономии, т.к. аббревиация заключается в обеспечении передачи максимального количества информации (смыслового содержания) при минимальном использовании языковых средств. Так, например, при виде аббревиатуры автомобильной компании Volkswagen (VW) у покупателя возникает комплекс ассоциаций, связанный с продукцией этой компании. Это может быть автомобильный салон, концерн в Германии, эмблема, народное прозвище «жук» („Käfer“);
- фонологичность: аббревиация вызывает интерес потребительской аудитории, причем, чем гармоничнее по звуковому составу название, тем больше эмоций и любопытства оно пробуждает. В свою очередь фонологичность обеспечивает легкую запоминаемость, чему способствуют существующие различные виды аббревиации, например: звуковые сокращения (DASA), буквенно-звуковые сокращения (MAN), слоговые (Haribo), аббревиатуры, состоящие из сочетания начала первого слова с началом или концом второго (Tesa);
- экспрессивность: аббревиация приобретает особую выразительность за счёт необычной расшифровки, сближения аббревиатуры с простым словом, тяготения ее к необычности, близости к молодежному сленгу и определенной свободы в создании данного слова.

Таким образом, мы видим, что продуктивность и популярность аббревиации как способа номинации товарных знаков можно объяснить широким спектром прагматических возможностей данного языкового средства.

Литература

Каневский Е.М. Реклама // Большая советская энциклопедия // <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00065/81600.htm>

Кибалова Э.Г. Прагматические принципы номинации товарных знаков // Известия АМИ. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2009. С. 45-48.

Фирсова Е.В. Прагматический потенциал преднамеренного нарушения ожидания в процессе коммуникации. //Язык, личность и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции. Солнечный берег, Болгария (8-12 сентября 2008 г.) // <http://www.science-journals.eu>

Негативно окрашенные признаки лиц, предметов и явлений как отражение особенностей австрийского менталитета

Крупенченко Валентина Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Характеристики лиц, предметов и явлений, существующие в языке, являются отражением особенностей менталитета носителей данного языка. Наиболее показательны в этом отношении негативно окрашенные лексемы, т. к. их количество, как правило, преобладает над числом словарных единиц, несущих положительное значение. Явное преобладание слов с отрицательной оценочностью связано также и с тем, что нормативные ситуации по своей сути однотипны или, по крайней мере, менее разнообразны. Согласно утверждению Б. Паскаля, «зло дается всем без труда, и оно многолико, тогда как добро, можно сказать, всегда одинаково» [Арутюнова]. Таким образом, многообразие признаков, выражающих пренебрежительное или осуждающее отношение говорящих к описываемому лицу или предмету, позволяет составить более полное представление об особенностях мышления носителей определенной культуры.

Благодаря анализу негативно окрашенных имен прилагательных, присущих австрийскому национальному варианту немецкого языка, можно установить, какие качества лиц и свойства предметов или явлений вызывают наибольшее осуждение у представителей данной ментальности: это пьянство, лень, праздность, чванство, тщеславие, внешнее уродство, брюзгливость, легкомыслие, чрезмерная робость, упрямство и многие другие.

Распространенные на территории Австрии пейоративы – «эмоционально-оценочные слова с отрицательной оценкой» [Фомина] – имеют свои отличительные черты в сравнении со сходными по значению лексемами собственно немецкого языка. Так, типично австрийскими являются имена прилагательные с суффиксами *-ert* (*dalkert*, *graupert*, *schlatzig* и т. д.) и *-i* (*glusti*, *lüfti*, *spatni* и т. д.) [Wehle], а также с ярко выраженной редукцией первого безударного слога (*gschamig*, *gschnappig*, *gschupft* и др.) [Wehle]. При этом в некоторых случаях австрийские словарные единицы отличаются от соответствующих немецких исключительно за счет обозначенных особенностей словообразования (ср. нем. *nackt* и австр. *nackert*, нем. *geschäftig* и австр. *gschafti*).

В связи с особенностями исторического развития государства, литературный язык Австрии ощутил на себе сильное влияние диалектов национальностей, представители которых когда-либо проживали на территории Австрийской империи. Особенно заметно это влияние проявляется в высоком числе заимствований из чешского и других славянских языков, а также из итальянского и идиша.

Значительная часть негативно окрашенных лексических единиц относится к сфере стилистически сниженных слов, тяготеющих к употреблению в разговорной речи. В целом можно отметить, что в немецком литературном языке Австрии присутствует большое число лексем с отрицательной оценочностью, позволяющих судить об особенностях менталитета данной нации.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.

Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996.

Wehle P. Sprechen Sie Wienerisch? Von Adaxl bis Zwutschkerl. Wien, 2003.

Метафорическая модель как средство репрезентации экономических понятий в заголовках экономических статей

Никитина Мария Александровна

Аспирантка Дальневосточного государственного гуманитарного университета, Хабаровск,
Россия

Метафорические модели репрезентации экономических понятий являются одним из методов познания экономических явлений окружающей действительности. Вслед за Х. Шовальтер [Schowalter: 104] мы склонны считать, что метафоры не только называют и объясняют сложные экономические процессы, но также мысленно связывают их с другими областями нашей действительности, в результате чего экономические явления становятся более понятными.

Анализ 313 заголовков экономических текстов, опубликованных под рубрикой «Wirtschaft» в немецком журнале «Der Spiegel» показал, что экономические процессы и явления в заголовках репрезентируются посредством метафор по образу и подобию тех концептов, которые формируются в сознании человека в результате его практической деятельности. В соответствии с определением области источника метафоры были сгруппированы в 15 метафорических моделей репрезентации экономических понятий, составляющие четыре крупные группы. Данные группы демонстрируют выбор мотива ассоциаций.

Первую группу представляют *антропоцентрические модели*, основанные на ассоциациях экономических понятий с человеком, его действиями, качествами и отношениями между людьми. В эту группу входят следующие модели: 1) «Человек → экономика»: «*ADAC umwirbt Senioren*» (Spiegel 51.2009, S.68); 2) «Болезнь → экономика»: «*Gesundheitsfonds braucht Milliarden-Spritze*» (Spiegel 42.2008, S. 90); 3) «Семья → экономика»: «*Pin-Mutter meldet Insolvenz an*» (Spiegel 5.2008, S.69); «*Daimler verschmäht schwedische Braut*» (Spiegel 2.2009, S.47); 4) «Война → экономика»: «*Teure Formatschlacht*» (Spiegel 3.2008, S.66); «*Großinvestor wehrt sich*» (Spiegel 51.2009, S.69); 5) «Правопорядок → экономика»: «*Lidl prangert Verbrauchertäuschung an*» (Spiegel 18.2009, S.88); 6) «Игра → экономика»: «*Milliardenschweres Pokerspiel*» (Spiegel 13.2009, S.68); «*Postenpoker geht weiter*» (Spiegel 23.2008, S.84).

Анализ практического материала показал, что наиболее востребованными в заголовках экономических текстов журнала «Der Spiegel» оказываются метафорические модели с концептуальными векторами опасности, агрессивности и неискренности («болезнь → экономика», «война → экономика», «игра → экономика»). Преобладание данных моделей объясняется тем, что они наиболее ярко и полно отражают сложившуюся вследствие финансового кризиса экономическую ситуацию Германии.

Вторую группу образуют *пространственно-ориентационные модели*, основанные на ассоциациях экономических понятий с расположением в том или ином пространстве, а также с передвижением в нем. К данной группе относятся следующие модели: 1) «Движение вперед → экономика»: «*Staatliche Steuerflucht*» (Spiegel 3.2009, S.70); «*Privatisierung rückt näher*» (Spiegel 13.2008, S.70); 2) «Движение назад → экономика»: «*Im Frühjahr werden die Preise sinken*» (Spiegel 49.2008, S.93); 3) «Восхождение на гору → экономика»: «*Preissturz gefährdet Ölsand-Projekte*» (Spiegel 39.2008, S.75); «*Business-Class stürzt ab*» (Spiegel 10.2009, S.72).

Как показал анализ практического материала, наиболее популярными в заголовках экономических текстов немецкого журнала «Der Spiegel» оказываются метафорические модели с концептуальным вектором движения («движение вперед → экономика», «движение назад → экономика», «восхождение на гору → экономика»). Их преобладание объясняется динамичным характером экономических явлений и процессов.

Третью группу представляют *транспортно-механические модели*, основанные на ассоциациях экономических понятий с работой различных механизмов и видами транспорта. К этой группе относятся следующие модели: 1) «Транспорт → экономика»:

«*Hedgefonds drehen bei*» (Spiegel 47.2008, S.119); «*Billigableger dockt an*» (Spiegel 48.2008, S.63); 2) «Механизм → экономика»: «*Schuldenbremse macht Schule*» (Spiegel 47.2009, S.70).

Данные метафорические модели, главным образом, направлены на то, чтобы в воображении адресата вызвать представление о движении экономических процессов. Вслед за А. Свенссоном [Svensson: 113-114] мы считаем, что они не разъясняют читателю-неспециалисту, каким именно образом экономические явления приводятся в движение. Их задачей является проиллюстрировать непосредственно движение экономических объектов.

Четвертую группу образуют *физические модели*, основанные на ассоциациях экономических понятий с физическими и природными явлениями. В данную группу входят следующие модели: 1) «Природные явления → экономика»: «*Steuer-oase Deutschland*» (Spiegel 36.2009, S.72); «Растение → экономика»: «*Wirtschaftsweise sagen Nullwachstum voraus*» (Spiegel 46.2008, S. 59); «*HRE soll auf Pfandbriefbank schrumpfen*» (Spiegel 7.2009, S.70); 2) «Вода → экономика»: «*Geld-Quelle für die Aktionärin*» (Spiegel 38.2009, S.102); 3) «Взрыв → экономика»: «*Zeitbombe für den Euro*» (Spiegel 50.2009, S.84); «*Kosten explodieren*» (Spiegel 3.2009, S.58).

В рамках этой группы особой продуктивностью обладают метафорические модели «растение → экономика» и «взрыв → экономика», поскольку с их помощью реализуются концептуальные векторы естественности и бесконтрольности, которые позволяют снять ответственность с предпринимателей и экономистов за происходящие в стране экономические процессы.

Метафорическая модель в заголовке экономического текста журнала «Der Spiegel» является одним из продуктивных способов отражения экономических объектов и явлений, т. к. позволяет наглядно и метко описывать экономические понятия.

Литература

Schwalter Ch. Bildfelder in der Presseberichterstattung. Ein deutsch-französischer Vergleich // Presstextsorten im Vergleich / Hrsg. v. H.E.H. Lenk, A. Chesterman. Hinderheim; Zürich; New York, 2005. P. 103-121.

Svensson A. Ein heißgelaufener Motor auf einer Woge widriger Winde oder Wie sollen wir uns die Wirtschaft vorstellen // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie 16. Sprache und Erfahrung / Hrsg. v. F. Januschek. Sept. 1980. P. 112-117.

Концепт «витализм»

в художественной картине мира писателей раннего немецкого экспрессионизма

Опарина Ксения Сергеевна

Аспирантка Самарского государственного университета, Самара, Россия

В последнее время в когнитивной лингвистике наблюдается повышенный интерес к художественной картине мира, т. к. это позволяет с наибольшей полнотой исследовать закономерности функционирования внутреннего мира художественного произведения как отражения национальной и индивидуально-авторской концептосферы, и, следовательно, максимально всесторонне проанализировать функционирование сознания определенной языковой личности, что является первоочередной задачей когнитивной лингвистики.

Немецкий экспрессионизм в литературе до сих пор открывает исследователям широкие перспективы в сфере уникального языка их произведений. Особенно интересным является понятие витализма, связанная с ним категория движения с высокой скоростью и высокий темп жизни как единственная возможность существования человека и языковой выражение данных эстетических категорий в малой прозе.

В данной статье анализируется структура и способы речевой объективации концепта «витализм» на материале трех рассказов Г. Гейма и К. Эдшмида «Йонатан», «Корабль» и «Смертельный май».

Данный концепт по структуре представляет собой сегментный концепт (классификация И.А. Стернина) и включает в себя ядро, содержащее базовый образ и окруженное несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Представляется эффективным анализировать репрезентанты концепта с помощью полевого подхода, который предполагает выделение ядра, к которому относятся лексемы, наиболее соответствующие выполнению функций поля, и периферии.

Ядро данного концепта содержит в себе концептуальный признак «механическое движение, перемещение в пространстве с высокой скоростью» и репрезентируется лексическими единицами, семантика которых содержит в себе сему «движение с высокой скоростью», в основном, глаголами. В общей сложности в тексте трех исследуемых рассказов было обнаружено 191 глагол с семантикой движения, которые составляют ядро ЛСП «скорость и темп». Данные глаголы были подразделены на основе семантического анализа их словарных дефиниций на три микрополя. В качестве интегрального семантического признака здесь выступает сема «интенсивность движения»: 1. Микрополе «движение с высокой скоростью»; 2. Микрополе «движение с умеренной скоростью»; 3) Микрополе «отсутствие скорости».

Манифестированное во всех программных произведениях экспрессионистов (К. Пинтус, Ф. Верфель) утверждение о том, что неподвижность есть смерть сначала духовная, затем физическая, выразилось в жизненной концепции главного героя рассказа «Смертельный май».

Главный герой, офицер, находящийся из-за ранения в госпитале, одержим идеей, что жизнь есть ничто иное, как вечное движение с высокой скоростью, иначе ему грозит смерть. Поэтому всего его перемещения в пространстве быстры, нервозны и хаотичны.

То же самое мы наблюдаем и в рассказе Г. Гейма «Йонатан». Главный герой из-за перелома обеих ног находится в больнице в практически неподвижном состоянии, его мучает страх одиночества и грозящей смерти. Однако читатель вместе с главным героем словно погружается в атмосферу постоянного, весьма необычного движения: не целеустремленное движение к какой-либо цели, а скорее бесконечное падение в никуда, в смерть.

К периферии данного концепта были отнесены следующие сегменты: а) «Физиологические характеристики: конвульсивные движения, судороги, быстрый обмен веществ, быстрый ток крови в организме»; б) «Образ танцующей женщины / молодой девушки как источника живительной силы природы», символизирующий начало новой жизни, которая не может находиться в статичном состоянии; в) «Движущаяся женщина как надвигающаяся неумолимая смерть».

В тексте рассказов Г. Гейма этот сегмент концепта представлен двумя образами: медсестра, чье призвание бороться с болезнями, и чума, изображенная в виде пожилой женщины. В больнице, где лежит маленький Йонатан, смерть – это привычная вещь. Лишь в том случае, если больной лежит при смерти, медперсонал делает над собой усилие и ускоряет темп своего движения.

В рассказе «Корабль» читатель напрямую сталкивается с мистикой: чума преследует команду корабля и убивает всех своим смертоносным дыханием. Герой пытается убежать от нее, несмотря на подгибающиеся от страха ноги. Здесь его движения хаотичны, быстры и представлены как последний рывок в попытке спастись от гибели.

Однако его попытки были тщетными, смерть одолела его, и он погиб, погрузившись в вечную неподвижность.

Анализ рассказов двух представителей малой прозы раннего экспрессионизма позволил нам убедиться в том, что категория движения с высокой скоростью как единственно возможный способ существования человека является одной из основных в эстетике экспрессионизма.

О стратификации словарного состава в швейцарском варианте немецкого литературного языка (на примере наименований лиц)

Подкин Александр Анатольевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Немецкий язык в его швейцарской разновидности, имеющий статус национального варианта, обладает целым рядом уникальных языковых черт, которые находят отражение в особой стратификации словарного состава в рамках германо-швейцарского языкового узуса. Своеобразие швейцарского национального варианта объясняется особенностями его исторического становления, а именно активным взаимодействием со швейцарско-немецкими диалектами, другими национальными языками страны (прежде всего французским), а также принадлежностью Швейцарии к так называемой реликтовой зоне, в пределах которой наблюдается тенденция к сохранению устаревающей и устаревшей лексики.

Наиболее обширный пласт слов среди швейцарски отмеченных единиц формируют **лексические гельвецизмы**, т. е. слова, функционально ограниченные рамками швейцарского национального варианта. Большинство из них используются для обозначения специфических швейцарских реалий, отражающих особенности административно-территориального и экономического устройства страны, ее судебной системы, исторического развития и т. д.: *Ständerat* «депутат Совета кантонов», *Schulbürger* «член школьной общности (состоящей из учителей, учеников и их родителей)», *Anlehrling* «ученик, получающий профессиональное образование в сокращенные сроки», *Kantonese* «сторонник партикуляризма».

Среди лексических гельвецизмов в большом количестве представлены швейцарски отмеченные слова, имеющие **диалектное происхождение**, но регулярно реализующиеся в текстах на немецком литературном языке. Специфика такого рода образований состоит в том, что они нередко характеризуются наличием эмоционально-стилистической окраски, способствуя достижению многопланового стилистического эффекта в произведениях германо-швейцарских авторов. Например, диалектизмы *Tschingg* «итальяшка», *Tschugger* «полицейский», *Tschütteler* «футболист» не только выполняют денотативную функцию, но и сообщают ироническое или презрительное отношение к называемому лицу.

Наряду с многочисленными германо-швейцарскими диалектами важным источником лексических гельвецизмов выступают другие национальные языки Швейцарии. **Займствования из французского языка** выражают, как правило, понятия, связанные с повседневной жизнью, сферой обслуживания и торговли, транспортом и военным делом: *Habitue* «завсегдатай», *Restaurateur* «хозяин ресторана», *Camionneur* «водитель грузовика», *Pontonier* «понтонер», *Sappeur* «сапер». Р. Шиллинг объясняет многочисленные романские займствования принадлежностью германоязычной Швейцарии к **реликтовой зоне**, рассматривая романские элементы не как «достижения или новшества немецкого литературного языка Швейцарии, а как остатки немецкого языка в его прежнем более романизованном состоянии» [Schilling: 217]. Архаичность немецкого языка в сфере официально-делового общения обусловлена, по мнению Р. Шиллинга, стабильностью политической системы страны и ее институтов, которые постепенно развивались на протяжении более чем ста лет, а не создавались заново, как в Германии, получая при этом новое название.

Архаичность швейцарского варианта проявляется в сфере исконно немецкой лексики. Нередко слова, стилистически нейтральные с точки зрения германошвейцарцев, воспринимаются в рамках австрийского и собственно немецкого языковых узусов в качестве лексических или семантических архаизмов. К числу такого рода **стилистических гельвецизмов** принадлежит, например, существительное *Witfrau* «вдова», вышедшее из употребления в немецком языке Австрии и Германии, остающееся, однако, употребительным в рамках германо-швейцарского языкового узуса.

Специфика немецкого литературного языка Швейцарии обусловлена также тем, что он обнаруживает значительное количество языковых черт, общих для австрийского, швабского и баварского ареалов. Поэтому многие швейцарски отмеченные единицы являются употребительными также в некоторых других регионах распространения немецкого языка (часто в Австрии и южной Германии). Слова швейцарско-австрийского лексического фонда Л.Б. Копчук называет «**австро-гельвецизмами**» [Копчук: 168]. К их числу принадлежат, например, такие наименования лиц, как *Saisonnier* «сезонный рабочий» и *Stellungspflichtige* «тот, кто (в определенном возрасте) должен проходить проверку на годность к военной службе». С алеманнскими регионами южной Германии Швейцарию объединяет **южнонемецкая лексика**: *Küfer* «бочар, бондарь», *Schaffer* «работник, труженик», *Bursche* «юноша». Особого внимания заслуживают **частотные гельвецизмы**, т. е. единицы, являющиеся употребительными преимущественно в швейцарском национальном варианте, встречающиеся, однако, с меньшей частотностью в немецком языке Австрии и / или Германии. Такого рода варьированием характеризуется, например, существительное греко-латинского происхождения *Agronom* «агроном», чаще реализующееся в пределах германо-швейцарского языкового узуса.

Отдельный пласт лексики в швейцарском национальном варианте формируют **семантические гельвецизмы**, т. е. слова, которые «по своей форме воспринимаются как общенемецкие, но обладают в Швейцарии отличным значением» [Haas: 115]. В качестве семантического гельвецизма может рассматриваться существительное *Ausläufer*, которое наряду с общенемецкими значениями «отрог (горного хребта); (выклинивающийся) прожилок» только в швейцарском национальном варианте способно реализовывать дополнительное значение «рассыльный, разносчик», отсутствующее у данного существительного в собственно немецком и австрийском национальных вариантах.

Литература

Копчук Л.Б. Внутрисистемное развитие фразеологии в странах распространения немецкого языка. Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 1997.

Haas W. Die deutschsprachige Schweiz // Die viersprachige Schweiz. Zürich; Köln, 1982. P. 71–160.

Schilling R. Romanische Elemente im Schweizerhochdeutschen. Mannheim; Wien; Zürich, 1970.

«Артефакт страха» в рассказе Г. Майринка «Растения доктора Чиндерелла»

Теличко Анна Владиславовна

Студентка Донецкого национального университета, Донецк, Украина

Дефиниционный пласт понятия «артефакт» достаточно объемён. Данное понятие используется в различных областях науки, приобретая дополнительные смыслы. В нашей работе мы исследуем понятие «артефакт страха» на материале рассказа австрийского писателя-экспрессиониста Г. Майринка, рассматривая при этом само понятие «артефакт» не только как олицетворение некоего рукотворного предмета или культурного наследия, но и в связи с человеческой психикой, рецепцией внешних импульсов, что сводится к возникновению чувства страха. Мы отталкиваемся от концепции «артефакта» З. Фрейда, представленной в работе «Человек в модернистской культуре» О.Ю. Суровой. Для З. Фрейда термин «артефакт» имеет два значения: 1) Случайность, нелепица с точки зрения разума; принципиально необъяснимое явление; 2) Искусственно созданный неслучайный факт, за которым скрываются определенные закономерности [Сурова: 236].

В последнем аспекте выделяются четыре области явлений – ошибки обыденной жизни, сновидения, неврозы, а также творчество.

Мы учитываем разницу между свободными ассоциациями в художественном творчестве и в практике психоанализа. Цель психоанализа, как известно, заключается в *понимании* – в сознательной реконструкции пути от симптома к причине. Любая сильная эмоция, «которую человек не разрешает себе выразить, ни даже полноценно испытать»

[Сурова: 239] – гнев, восторг, или в нашем случае страх – тем не менее, не исчезает, а становится подавленным аффектом. Результатом подавленного аффекта является аффективный комплекс – *артефакт* (ошибки обыденной жизни, сновидения, неврозы), который, по сути, представляет собой поступки без понимания причин.

Именно поступки без понимания причин и становятся сюжетообразующим пластом исследуемого произведения. Иными словами, для литературы, так или иначе испытавшей влияние учения Фрейда, но осмысливающей его с точки зрения иррационального, ключевым становится *непонимание*. Поэтому для нас важно проследить путь не только и не столько от симптома к причине, но от причины к *проявлению*, а также проанализировать, как это проявление реализуется на уровне языка.

Примечательно, что четыре области явлений, выделенные Фрейдом в рамках его концепции «артефакта», с точностью иллюстрируются в рассказе Майринка и выстраиваются в своеобразную парадигму, очерченную пластинами выражения – на художественном, языковом, смысловом уровнях. В ходе анализа языковых средств, формирующих «артефакт страха», мы выделяем семь уровней восприятия объективной действительности: визуальное, аудиальное, тактильное, ольфакторное, вкусовое, соматосенсорное, а также метафорическое «шестое чувство» - *предчувствие*.

Каждый из обозначенных уровней образует свой ряд, поддерживаемый определенными лексическими средствами. Так как перцепция – это прежде всего процесс, то основной единицей в рамках установленной парадигмы становится глагол. Эта часть речи ориентирована на констатацию самого процесса действия: *und von dem ersten Augenblick an, wo ich sie [die kleine schwarze Bronze] genauer **betrachtete**, war ich von der krankhaften Neugier befallen; **Seltsam sausende** oder **schrillende Nebentöne hörte** ich den Lärm des Alltags durchqueren; Einmal **faßte** ich nach der Mauer und **griff** dabei in ein splittriges Holzgitter, wie man es verwendet, um Schlingpflanzen zu ziehen* [Meyrink].

По мере того, как герой рассказа переходит от наиболее рационального восприятия (зрение) к все менее рациональному (слух, обоняние, осязание, предчувствие), мы анализируем языковые средства выражения формирующегося «артефакта страха», фиксирующие постепенное превращение предметов объективной действительности в образы, возникающие ассоциативно, теряющие свою определенность, отчетливость. На языковом уровне это фиксируется, к примеру, появлением в тексте метафор и сравнений, а также использованием автором приставок и суффиксов *un, los*, названных З. Фрейдом «клеямом вытеснения» [Фрейд: 126]: *Rätselhafte Wesen tauchten vor mir auf, **ungehört und ungefühlt** von den Menschen, und vollführten in **schemenhaftem Dämmer unbegreifliche und planlose Handlungen*** [Meyrink].

Таким образом, предпринятый нами лексический анализ рассказа Г. Майринка позволяет сделать вывод, что «артефакт страха», будучи подавленной сильной эмоцией, реализуется в тексте через определенную лексику, апеллирующую к разным уровням восприятия и фиксирующую детали окружающей действительности при отсутствии *понимания причин*.

Литература

- Сулова О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000 – 2000 / Под ред. Л.Г. Андреева. М., 2001. С. 221–291.
 Фрейд З. Жуткое / Семейный роман невротиков: Сборник. СПб., 2009. С. 87–138.
 Meyrink G. Die Pflanzen des Dr. Cinderella: <http://gutenberg.spiegel.de/?id=5&xid=-1848&kapitel=34>.

Эпистемическая модальность в диффамационном публицистическом тексте (на материале текстов русской и немецкой публицистики)

Чепурная Алена Ивановна

Соискатель, Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

Свобода мысли и слова, как и свобода массовой информации, являются правами, гарантированными Конституцией Российской Федерации, а также ратифицированной Российской Федерацией Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Случаи злоупотребления данными правами регулируются диффамационным законодательством, обеспечивающим осуществление конституционного права гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Равновесие между правом на защиту чести и достоинства и правом на свободу мысли и слова поддерживается, в частности, сложившейся в судебной практике традицией разграничивать понятия «мнение» и «утверждение о фактах».

Модальности мнения и утверждения / знания образуют микрополя эпистемической модальности, обозначающей не только точное знание, но и любые результаты познавательной деятельности: предположения, догадки, сомнения, убеждения.

Мнение представляет собой результат психической деятельности субъекта, оценочное суждение, которое не может быть подвергнуто верификации. Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Утверждение же может быть проверено на соответствие действительности и может быть истинным или ложным.

Как отмечает Л.А. Араева, в экспертной практике наметились два параметра для разграничения выражения мнения и сообщения сведений: формально-семантический и прагматический [Араева: 88].

Формально-семантический параметр заключается в поиске в анализируемой фразе специальных слов-маркеров, которые однозначно указывают на коммуникативную функцию фразы: *по моему мнению, мне кажется, могу предположить, наверное* и т. д. Высказывания, содержащие такие слова, признаются выражением мнения, например: *Народным избранникам, видно, и самим есть что скрывать в собственной коммерческой деятельности: так что ворон ворону...* [Открытая]; *Womöglich hegen die Chinesen, so der Verdacht, doch nicht so friedliche Absichten wie sie immer beteuern* [Шпигель].

В том случае, если фраза не содержит слов-маркеров, указывающих на субъективность, оценочность или предположительность высказывания, она квалифицируется как сообщение сведений: *...во время предвыборной кампании Елена раздавала обещания пачками: например, восстановить в Невинномысске заброшенный Ледовый дворец (в котором она сама когда-то начинала путь к славе). Ни одно не исполнено* [Открытая].

Прагматический параметр разграничения выражения мнения и утверждения позволяет эксперту выходить за рамки текста и обращаться к анализу точек зрения автора и адресата речи. В подобных случаях фраза не содержит каких-либо внешних показателей мнения, предположения. Решающим моментом при определении коммуникативной функции высказывания становится ответ на вопрос, как воспринимается данная фраза рядовым читателем – как выражение мнения автора или же принимается на веру, т. е. расценивается как сообщение сведений [Араева: 89].

К эпистемической модальности по своему содержанию близка категория эвиденциальности. Эвиденциальность можно понимать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник информации: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах, догадках (косвенная засвидетельствованность) или на собственном прошлом опыте, извлекая сведения из памяти (прямая засвидетельствованность) [Козинцева: 92].

Указывая, что сообщаемые сведения основаны на косвенном свидетельстве, говорящий ставит своей целью проинформировать о том, что не был очевидцем событий и что у него нет полной уверенности в достоверности сообщаемого, снимая тем самым с себя ответственность за утверждение.

Среди средств, служащих для выражения эвиденциальности, Н.А. Козинцева выделяет: 1) Морфологические: в немецком языке – наклонение Konjunktiv, одной из функций которого является оформление косвенной речи; 2) Лексико-синтаксические: вводные обороты, выраженные модусным глаголом (*как стало известно, говорят, считается*); в немецком языке – модальные глаголы *wollen, sollen*; обстоятельства, указывающие на косвенный или выводной источник информации (русск. *очевидно, по-видимому*, нем. *angeblich, anscheinend*); частицы, восходящие к глаголам сообщения (*де, мол, якобы, дескать*) [Козинцева: 96]: *Короче, Кравченко заблаговременно попросили на выход. На спешно созванном 16 января бюро крайкома партии его освободили от должности первого секретаря ставропольского горкома: дескать, партийные денежки нечестно тратил* [Открытая].

Высказывания, указывающие на получение сообщаемой информации из вторых или третьих рук, не представляется целесообразным рассматривать как утверждение о фактах, если субъект речи не выражает своей уверенности в истинности пропозиции, а сообщает ее объективно, индифферентно или с дубитативной оценкой. Понятие «мнение», следовательно, допускает в экспертной практике довольно широкое толкование, объединяя высказывания, весьма различающиеся по формальным показателям и коммуникативной функции: от выражения субъективной оценки, неуверенности, сомнения, предположения до сообщения полученной косвенным путем информации с ее субъективной оценкой или без таковой.

Литература

Араева Л.А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел о защите чести и достоинства, о клевете и оскорблении // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 86-94.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Открытая: <http://www.opengaz.ru>

Шпигель: <http://www.spiegel.de>